

3.4. ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Проблема взаимодействия личности и власти является одной из самых болезненных, трудных для русской интеллигенции. Думается, Дмитрий Лихачев не был в данном плане исключением. Напротив, его взаимоотношения с властью представляют сегодня интереснейший материал для осмысления этой темы.

Необходимость написания настоящего раздела книги стала очевидной в ходе научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН, состоявшейся в Москве 20 декабря 2006 года. Сессия была посвящена 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. Среди докладов особняком стояло выступление С. О. Шмидта. Оно содержало один неоправданно резкий, но весьма любопытный пассаж, побуждающий к размышлениям.

Присвоив себе, по обыкновению, статус «хранителя имени» Д. С. Лихачева, Сигурд Оттович обрушился с критикой на Ю. В. Зобнина, одного из лихачевских учеников и коллег по Пушкинскому Дому, рекомендованного в свое время академиком на работу в наш Университет. Профессор Зобнин — выдающийся филолог, один из крупнейших по мировым меркам специалистов по литературе Серебряного века — был обвинен ни много ни мало в использовании текстов Дмитрия Сергеевича — «неблаговидно для памяти Лихачева»¹.

Поводом для этого выпада послужил фрагмент текста Юрия Владимировича, процитированный Шмидтом по университетскому журналу «Очень^{UM}»: «...если государство начнет давить интеллигенцию, получится катастрофа, поэтому от “государственных объятий” нужно уклоняться, но напрямую с ним не конфликтовать. Должна быть внутренняя свобода, “тайная свобода”»². Особое негодование Сигурда Оттовича вызвал итоговый вывод профессора Зобнина: «То, что говорил Лихачев, очень похоже на слова леди Макбет: “Кажись цветком и будь змеей под ним”. И тогда интеллигенция вновь будет в своей стихии. Страшновато звучит, но, если вдуматься, это правда»³. Процитировав Ю. В. Зобнина, его критик заключает: «Не говоря о том, что леди Макбет отнюдь не положительный образ у Шекспира, суждения эти противоречат всем нравственным установкам Лихачева»⁴.

Если оставить в стороне претензии Сигурда Оттовича на право быть единственным толкователем воззрений Д. С. Лихачева, то спор по сути лихачевских нравственных установок в данном плане представляется весьма интересным.

Разумеется, пересказ Ю. В. Зобниным размышлений Дмитрия Сергеевича о действиях интеллигенции является вольным. Это — не строгое цитирование, а именно пересказ словами слушателя, своими словами. Да и сравнение интеллигента со змеей кажется не самым удачным. Даже если вспомнить, что змея в культуре многих народов выступает символом мудрости. Но главное все же не в этом. **Проблема взаимоотношений интеллигенции и власти, шире — личности и власти, нуждается в обстоятельном осмыслении, и жизненный путь академика Д. С. Лихачева представляет для этого уникальный материал.**

Как уже говорилось ранее, теоретически, по Лихачеву, интеллигент должен быть вместе с властью, когда она вершит добрые дела, и решительно противостоять ей, когда творится зло. Но власть — это сила, причем чаще всего беспощадная. Вот почему вопрос о способах, путях противостояния злу на практике, в повседневной жизни приобретает нередко трагическое звучание. В России времен Лихачева на протяжении почти всей его

¹ Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; отв. ред А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006. С. 23.

² Зобнин Ю. В. Мы чувствуем себя крестниками Лихачева / [беседу вела Т. Львова] // Очень^{UM}. 2006/2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 29.

³ Там же.

⁴ Шмидт С. О. Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. С. 24.

жизни открытое противостояние власти означало превращение в «лагерную пыль». Он уцелел, изобретая и воплощая в повседневность свои формулы противостояния. Так что, по сути дела, думается, профессор Зобнин был прав.

Но в этой точке размышления над диалектикой взаимоотношений личности и власти должны не заканчиваться, а начинаться. Был ли Дмитрий Сергеевич антисоветчиком, антикоммунистом, диссидентом? Что объединяло его с фигурами типа Андрея Сахарова, Александра Зиновьева, Александра Солженицына и что от них отличало?

По всей видимости, определенная **конфликтность взаимоотношений Дмитрия Лихачева с советской властью была заложена уже в самом факте его «классового» происхождения.** Один из видных отечественных филологов, сотрудник Отдела новой русской литературы Пушкинского Дома А. В. Лавров вспоминает, что Д. С. Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность духовно-нравственному кодексу этой среды. По его мнению, через десятилетия владычества «нового человека», который принуждал других жить по собственным стадным понятиям, Д. С. Лихачев прошел, «не утратив своего исконного существа, которое сказывалось в мельчайших деталях поведения, в манере разговаривать, во всем тоне личности»⁵.

Личность, сформированная старой русской культурой... Многих это в Лихачеве восхищало и привлекало. Профессор Московского и Венского университетов, филолог С. С. Аверинцев вспоминал: «Для меня Дмитрий Сергеевич был прежде всего последним представителем культурной формации, знакомой по старым книгам, но в его лице являвшийся с повсечасной естественностью. Это делало общение с ним для меня особенно ценным, это же подчас стимулировало невозможность согласиться — одно было связано с другим. Я сам, впервые приучившись читать на отцовских книгах, все больше с ятями да фитами, с юных лет привык считать себя существом скорее палеонтологическим, однако перед ним чувствовал, до чего я поздний. В нем было вправду естественно то, что было бы несносным стилизаторством в другом; он по праву законного наследника завершал путь целого культурного круга»⁶.

Но восхищало и привлекало это далеко не всех. Многими он не мог восприниматься как свой, более того — раздражал и вызывал ненависть, примерно как профессор Преображенский у Швондера в «Собачьем сердце». Малообразованной, малокультурной частью нового начальства, а она составляла подавляющее большинство, Лихачев воспринимался чужеродным явлением. Один из сослуживцев Дмитрия Сергеевича отмечал, что неприятие властью Лихачева, как и других интеллигентов, было «вне пределов рационального вообще. Это было рефлексом, звериным чутьем на несходство. Так по особенностям шороха кустов волк безошибочно определяет оленя. Советская власть слушала даже не столько то, *что* сказано, сколько то, *как* это сделано»⁷.

Размышляя об этом, невольно вспоминаешь бабелевское: «Аннулировал ты коня, четырехглазый»⁸.

Таким образом, можно сказать, что **первый конфликт Д. С. Лихачева с властью был культурно-социальным.**

По всей видимости, и Дмитрию Лихачеву было непросто полюбить новый режим. Его внучка З. Ю. Курбатова вспоминала, что Лихачев называл революцию «несчастьем», рассказывал о разрушении ею прекрасного мира: «Все было нарядно, логично и счастливо в дореволюционной России — как говорил дед, “до несчастья” — у меня не было сомнений в этом, как и в том, почему прекрасный мир однажды разрушился»⁹. И далее:

⁵ Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост., отв. ред., авт. пер. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Logos, 2002. С. 112.

⁶ Там же. С. 181.

⁷ Там же. С. 9–10.

⁸ *Бабель И. Э.* Конамия // Бабель И. Э. Избранное. Фрунзе: Адабият, 1990. С. 127.

⁹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 33.

«Фотографии запечатлели красавца-инженера в форменной фуражке, строго смотрящего на потомков через чеховское пенсне. Прадедушка был главным инженером Печатного двора, много зарабатывал, получал даже царские подарки... После “несчастья” жизнь его резко изменилась — понижение по службе, боязнь ареста, “уплотненная квартира”. Дедушка Митя при всей своей сдержанности и нежелании рассказывать о семейных несчастьях очень страдал из-за положения отца при советской власти: бывший щеголь стал одеваться, как рабочие, и — самое ужасное — выпивать с пролетариями, чтобы казаться “своим”. Дедушка был очень привязан к отцу...»¹⁰

Многие с удовольствием сделали бы из Лихачева антисоветчика. Размышляя о долголетию Дмитрия Сергеевича, Фазиль Искандер предложил однажды свое объяснение: Лихачев поставил себе задачу пережить советскую власть, и пережил ее. Разумеется, это была шутка, но шутка, отражавшая некий общественный взгляд.

Думается, все же, что реальность была намного сложнее. Бывает ли вообще власть, к которой у любой думающей личности нет совершенно никаких претензий? Что делать человеку? Пытаться повлиять на власть, воевать с ней, сокрушить ее? Либо покинуть Родину, оказаться в чужой жизни, под той властью, которая тебя не волнует, потому что она чужая?

Но есть и третий путь, он может быть выражен формулой: «Все мерзостно, что вижу я вокруг... Но как тебя покинуть, милый друг!»¹¹ — под другом здесь можно понимать свою семью, друзей, любимый город и любимую работу, свою страну. Если всем интеллигентам непрерывно воевать с властью и исправлять ее пороки, то кто будет учить детей, лечить стариков, проектировать мосты и дороги, заниматься научными исследованиями...

Недоброжелатели упрекали Лихачева в том, что он остался жив. Но **смысл жизни для нормальных людей вовсе не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической жизни. Есть и другие ценности:** радость семьи, удовольствие от работы, наслаждение познанием — все то, что составляет повседневный смысл жизни человека. Видимо, Дмитрий Сергеевич был по натуре в первую очередь созидателем: «Он потерял почти десять лучших лет жизни из-за ареста и Соловков, но уже в 1941 году, живя в жуткой коммунальной квартире, в одной комнате с маленькими детьми, с одним краном с холодной водой на кухне, с проституткой за стенкой, защитил кандидатскую диссертацию. А потом — война, блокада, вынужденная — по требованию НКВД — эвакуация в Казань, и уже в 1947 году он защитил докторскую»¹², — рассказывает Людмила Дмитриевна Лихачева. «Для самого деда вопроса эмиграции не существовало — он мог жить только в России, на голодной, больной, истерзанной, но родной земле»¹³, — дополняет этот рассказ З. Ю. Курбатова.

Даниил Гранин заметил, что судьбу Дмитрия Сергеевича можно изобразить как **цепь репрессий**: «Одна несправедливость следует за другой. А кроме того, ужасы ленинградской блокады, эвакуации, семейные потери. Несчастья настигали его, но не они определяли его облик»¹⁴. По мнению Даниила Александровича, тяжкие испытания не лишили Лихачева благородства, напротив: «За многие годы нашего общения я не помню, чтобы он кого-то поносил, кому-то завидовал, лстыл властям, искал компромиссов, даже во имя “интересов дела”. Когда-то его ожесточенно преследовали ленинградские власти, старались уничтожить и морально и физически. Ему подожгли квартиру. Его избили в подъезде его дома. Он не искал примирения. Между прочим, он об этом не рассказывает ни в воспоминаниях, ни в своих выступлениях. А в рассказах о Соловках, где он сидел в лагере, нет описания личных невзгод. Что он описывает? Интересных людей, с которыми

¹⁰ Там же.

¹¹ Шекспир У. Сонет LXVI / пер. С. Я. Маршака // Шекспир У. Сонеты. СПб.: Терция: Кристалл, 2000. С. 177.

¹² Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 31.

¹³ Там же. С. 36–37.

¹⁴ Там же. С. 382.

сидел, рассказывает, чем занимался. Грубость и грязь жизни не ожесточали его и, похоже, делали его мягче и отзывчивее»¹⁵.

Гранин считает, что источником душевной прочности академика была его работа. Но, разумеется, не она одна. Высочайшей ценностью в жизни Дмитрия Сергеевича была его семья. Ему было, что терять. В этом плане характерен следующий эпизод: «Папа никогда не говорил дома, при нас, детях, об аресте и Соловках, но я чувствовала, что что-то в его жизни было необычное и тяжелое. Я первый раз услышала о том, что он пережил, лет десяти-одиннадцати, после войны, когда мы еще жили на Лахтинской улице. У нас в гостях был кто-то из знакомых и бабушка (папина мать) за чаем наговорила лишнего и по тем временам опасного. <...> После ухода гостя папа... произнес слова, которые я запомнила: “Я уже сидел и больше не хочу”. Это произвело на меня сильное впечатление, но я не осмелилась у него или у мамы что-нибудь спросить»¹⁶, — вспоминала дочь ученого Л. Д. Лихачева.

Такова была объективная реальность повседневного бытия миллионов людей в те времена в Советском Союзе. Сознание не может мириться с нечестностью, несправедливостью, подлостью, предательством, глупостью. А хочется жить на родине, заниматься любимым делом, общаться с родными, нянчить детей и внуков, наслаждаться прогулками по любимому городу... **Многим думающим людям приходилось искать свое место между двумя полюсами: на одном из них — самосожжение, на другом — полное приспособленчество.** Впрочем, не только в Советском Союзе и не только в те времена...

Существуют различные экстравагантные концепции: якобы, Лихачев был не функционером «системы», и не ее оппонентом, а как бы «вне ее»¹⁷. Согласиться с ними трудно. Быть вне системы не удастся даже дворникам и истопникам. На практике выход из «системы» всегда означал лишь переход на службу иной системе.

«Казалось бы, после всех бедствий занятие древнерусской литературой — идеальное убежище, безопасное убежище, в котором он мог укрыться от всех треволнений мира. Однако не получилось»¹⁸, — писал Даниил Гранин. Труды Лихачева — убедительный пример того, как яркие, настоящие научные результаты мешают спокойно существовать серости, бездарности. Интересно, что некоторые сегодняшние «бескомпромиссные противники коммунизма» пытаются поставить в вину Лихачеву написание во время блокады книги «Оборона русских городов»¹⁹. Эта брошюра раздавалась солдатам в окопах. «Преступление» Лихачева заключалось в том, что он выполнил данную работу по заказу Ленинградского обкома партии. Разумеется, в советский период об «антикоммунизме» этих лихачевских критиков никто не знал.

На самом же деле Дмитрий Сергеевич вряд ли когда-либо смог бы принять от кого-либо «заказ», противоречащий его убеждениям. Работавший в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома академик А. М. Панченко вспоминал: «Сейчас часто слышишь, как многие отрекаются от своего прошлого, говорят: “Мы не знали” или “Тогда было так надо”. Когда есть смертная казнь, палачи нужны, но не каждый ведь пойдет в палачи». «В древнерусском секторе ничего подобного не было. Поэтому нам не надо выбрасывать изданные книги или отречься от них»²⁰.

Как бы то ни было, но **даже занимаясь древнерусской литературой, Д. С. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности.** Сотрудник Отдела пушкиноведения Пушкинского Дома Лидия Михайловна Лотман вспоминала: «Постоянная готовность превратить спор или литературную полемику в политические обвинения и обилие

¹⁵ Там же. С. 381–382.

¹⁶ Там же. С. 27.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 387.

¹⁹ Тиханова М. А. Оборона древнерусских городов / М. А. Тиханова, Д. С. Лихачев. Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1942.

²⁰ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 100.

“доброхотов”, готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали. После конференции в университете, посвященной “Слову о полку Игореве” (1975 год), в ходе которой блестящий доклад прочел Д. С. и выступал мой брат Ю. М. Лотман, в “инстанции” был сделан клеветнический донос о содержании этих выступлений. Присутствовавших студентов и аспирантов стали вызывать в партбюро и допрашивать. <...> Под впечатлением подобных эпизодов Д. С., с которым мы встретились в электричке по пути из Зеленогорска в Ленинград, сказал мне однажды: “Чувствуешь себя как в оккупации”»²¹.

Второй конфликт Д. С. Лихачева с властью — конфликт профессиональный.

Не случайно, размышляя об ушедшем из жизни коллеге, Л. М. Лотман вспоминает одну из его работ: в статье «Об общественной ответственности литературоведения» Д. С. Лихачев утверждает, что если человек «сохранит умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, идеи своих коллег и оппонентов, если он сохранит навыки “умственной социальности”, сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни — это и будет интеллигентностью»²². Однако невежественная власть мешала работать, мешала жить интеллектуальной жизнью настоящим ученым, поддерживала научную серость, безнравственных людей, пытавшихся добиться успеха ложной политизацией науки, демонстрациями верноподданничества, доносами.

Обстановка постоянного недоверия, подозрительности со стороны властей пропитывала все поры повседневной жизни академика, создавала постоянное психологическое давление, отравляла существование: «Когда я приходила из школы и на телефоне в прихожей лежала вышитая болгарская подушка, это означало, что на Втором Муринском — гости и ведутся антисоветские разговоры. Прошедший школу Соловков в юности, чудом избежавший арестов в конце 30-х и во время блокады, сто раз подвергавшийся “проработкам” уже после войны, дед был крайне осторожен, чтобы не давать поводов вездесущим “органам”. За дедом следили, причем гебисты не старались скрывать следов своей достаточно грубой работы. Письма из-за границы приходили склеенные кое-как желтым канцелярским клеем, телефонные разговоры иногда искусственно прерывались — слышны были щелчки и звуки наматывающейся пленки»²³, — вспоминала внучка Д. С. Лихачева.

Третий конфликт Д. С. Лихачева с властью сложился в сфере нравственности.

Как справедливо отмечала та же Л. М. Лотман: «Нравственные принципы, которые всегда лежали в основе его деятельности, стали очевидны, когда в круг его занятий вошли вопросы истории быта, истории искусства, экологии, природы и культуры, когда его научная деятельность сомкнулась с практической общественной деятельностью»²⁴. Молчать и скрывать свои убеждения становилось все труднее, в особенности — от подрастающих младших членов семьи: «Постепенно мир становился откровенно раздвоенным. В школе рассказывали про Павлика Морозова — дома дед сообщал, что такого персонажа не было в помине. По телевизору показывали фильм о Чапаеве — дед с отвращением передавал воспоминания своего учителя Аничкова о том, как красный герой лично и с особой жестокостью расстреливал пленных офицеров. Что касается Байкало-Амурской магистрали, то как раз от деда я впервые услышала о том, что ее начали строить заключенные еще в тридцатые годы»²⁵, — пишет З. Ю. Курбатова.

Между тем **профессиональные достижения Д. С. Лихачева превращали его в крупную общественную величину**. В 1952 году ему была присуждена Государственная премия СССР за работу «История культуры Древней Руси». В 1953 году он избирается

²¹ Там же. С. 82.

²² Там же. С. 85.

²³ Там же. С. 36.

²⁴ Там же. С. 152.

²⁵ Там же. С. 38.

членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1961 году Дмитрий Сергеевич становится депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. В 1967 году он становится Почетным доктором Оксфордского университета (Великобритания). В 1969 году ученому присуждается Государственная премия СССР за «Поэтику древнерусской литературы». В следующем году Лихачева избирают действительным членом Академии наук СССР.

Своим новым положением Дмитрий Сергеевич распорядился своеобразно. Даниил Гранин обратил внимание на то, что интеллигентная скромность быта была одной из важнейших черт стиля жизни академика: «Он не был аскетом, любил удобства, комфорт. Но не считал для себя возможным пользоваться этим, особенно в наше время. Скромная городская квартира, в которой он жил, тесная по современным понятиям для ученого мирового класса, была завалена книгами. Он принимал иностранных гостей со всего мира в маленьких комнатухах в Комарове. Никогда не стеснялся, не считал, что должен иметь какие-то просторные апартаменты. И это сегодня, когда ажиотаж, азарт стяжательства, тяга к богатству охватили все слои общества. <...> Стиль жизни Лихачева — вызов интеллигента всему обществу приобретателей»²⁶.

Но был и другой **вызов в поведении Лихачева** той поры: «Он широко использовал возможности, открывавшиеся по мере его научного и общественного признания, для помощи тем, кто в этом нуждался. <...> В пору, когда мой брат Ю. М. Лотман подвергался опасной критике и преследованию за то, что искал новые пути в изучении литературы и культуры, Д. С. принципиально выступил на его защиту, доказывая, что разработка новых подходов к материалам исследования, нового метода в науке, а также формирование разных школ — необходимое условие развития всех областей знания»²⁷, — рассказывает Л. М. Лотман. А вот эпизод из биографии Ильи Захаровича Сермана — с 1956 по 1976 годы сотрудника Пушкинского Дома, затем — профессора Иерусалимского университета: «Когда в 1975 году наша дочь Нина уехала в Израиль, Дмитрий Сергеевич в числе семи других членов ученого совета голосовал против четырнадцати его партийных членов, проголосовавших за мое изгнание из института. И память об этом как-то смягчала горечь незаслуженного и несправедливого решения моей участи»²⁸.

Другой эпизод подобного **заступничества** содержится в воспоминаниях Г. М. Прохорова: «...в Институт русской литературы, Пушкинский Дом, явились по представителю от КГБ и Василеостровского обкома партии, собрали — кого удалось — сотрудников и предложили им коллективно обратиться с просьбой к властям о лишении меня советского гражданства и ученой степени кандидата филологических наук. <...> И мои сотрудники во главе с... Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, сделать это не согласились. <...> Мое непосредственное начальство, Дмитрий Сергеевич Лихачев, был вызван в Смольный, в обком партии, к всеильному Григорию Романову, и тот, между прочим, упрекнул академика за то, что он оказывает покровительство таким людям, как я. Что сказал или пообещал ему Лихачев, я не знаю, но Романов согласился прекратить преследования. <...> Машины, дежурившие около дома в городе и вдруг освещавшие ночных прохожих около дачи, исчезли; вызовы, допросы и потери друзей прекратились; слежка тоже — или пошла по другому режиму... Но главное — я остался на свободе, в России и в Пушкинском Доме, некогда приглашенный туда и сохраненный там Дмитрием Сергеевичем Лихачевым»²⁹.

Эти примеры можно множить и множить. **Лихачев помогал и совершенно незнакомым ему, посторонним людям.** Помогал просто потому, что не мог не помогать. Академик РАО Игорь Кон рассказывал автору этих строк, как в одном из провинциальных городков готовилось осуждение одного из жителей за распространение «порнографии»,

²⁶ Там же. С. 388.

²⁷ Там же. С. 83.

²⁸ Там же. С. 92.

²⁹ Там же. С. 108–110.

которой правоохранительные органы сочли роман Набокова «Лолита». Судьи со всей очевидностью склонялись к обвинительному приговору. Отчаявшийся их переубедить адвокат обратился за помощью к Лихачеву. Представленное в судебное заседание в последний момент письмо Дмитрия Сергеевича спасло судьбу человека.

Но так получалось не всегда. Академику приходилось балансировать на грани возможного и невозможного. И общая обстановка непрерывно менялась. Причем, далеко не всегда — в лучшую сторону. Гелиан Прохоров свидетельствует: «В январе 1981 года мы с моим другом и соавтором Сергеем Гречишкиным собирали письма в защиту нашего общего друга, известного литературоведа и переводчика Константина Азадовского, ставшего жертвой провокации со стороны “доблестных органов” и арестованного (ныне реабилитированного). <...> обратились мы и к Дмитрию Сергеевичу, но он отказался — и отнюдь не из соображений осторожности: “Письмо за моей подписью только ухудшит в данном случае ситуацию. Для *них* мое имя в одном может сыграть свою роль — убедить дополнительно в том, что они правильно поступили”»³⁰. Но иных примеров было намного больше: «В январе 1986 года к нам обратился киевский историк и литературовед С. И. Белоконь. Он жаловался на то, что подвергся преследованиям и лишился работы из-за своей общественно-политической деятельности в защиту свободы. С. И. Белоконь просил написать письмо президенту Академии наук Украины с просьбой предоставить ему работу. Мы встретились с Дмитрием Сергеевичем в вестибюле Пушкинского Дома. Он вошел с мороза, прочел напечатанный текст обращения в защиту Белоконоя, достал замерзшими пальцами свою печатку “Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев”, сделал тиснение в левом верхнем углу, подписал его, предложив и мне поставить свою подпись. Через некоторое время от Белоконоя пришло письмо, в котором он сообщал, что получил работу. Это всего лишь один эпизод из многочисленных заступничеств Дмитрия Сергеевича за терпящих бедствие людей самых различных профессий и разного общественного положения»³¹, — делится воспоминаниями академик А. А. Фурсенко.

Атмосферу противостояния ученого и власти того времени красноречиво характеризует рассказ академика Вячеслава Всеволодовича Иванова: «Позвонив Дмитрию Сергеевичу домой, я узнал, что он в Доме ученых на вечере памяти Беркова. <...> Когда вечер кончился, я подошел к Дмитрию Сергеевичу. Он предложил мне посидеть с ним и с его женой в гостиной на втором этаже — как раз рядом с тем залом, где прошло заседание. Мы уселись в креслах у окна. Меня беспокоила разгоравшаяся травля Солженицына. <...> Час был поздний. Свет уже был приглушен. В пустой гостиной на столах напротив тех кресел, где мы сидели, были разложены газеты. Их в полумраке разглядывал или вернее делал вид, что читал, неизвестный нам молодой человек. Лихачев показывал мне на него, усмехаясь. Когда по окончании разговора мы встали, он бегом выскочил из комнаты и опрометью побежал одеваться. <...> я поравнялся с Дмитрием Сергеевичем. Он сказал мне, что за ним, как и за мной, следят и что надо быть осмотрительными. <...> Я узнал о его разговоре с тогдашним ленинградским партийным градоначальником Романовым. В ответ на вопрос, почему его не пустили поехать в Болгарию, Романов сказал, что и дальше никуда за границу не пустит. Ваши друзья — наши враги. Кто? Романов назвал четыре имени — Романа Якобсона, незадолго до того высланного Солженицына, еще позже уехавшего Эткинда и меня. Трое других были за границей. Я один в России, как и сам Лихачев. В ответ на недоуменный вопрос обо мне Романов пояснил: “А как же, Вы с ним сидели вечером в гостиной Дома ученых”»³².

Здесь уместно сказать, что лихачевское благородство было понятно далеко не всем даже в академической среде. Хотя, может быть, следовало бы сказать: в первую очередь, в академической среде. Многие из его коллег вели себя совершенно иначе. Стоило ли

---

³⁰ Там же. С. 112–113.

³¹ Там же. С. 161.

³² Там же. С. 174–175.

удивляться их стремлению опорочить Лихачева, выдумать неблагоприятные объяснения его поведению?

Очень хорошо раскрывает этот аспект ситуации С. С. Аверинцев. Он вспоминает, что неизменно встречал со стороны Дмитрия Сергеевича постоянную готовность помочь ему в конфликтах с официозной идеологией: «готовность эта была неутомимой, а в ряде ситуаций должна быть без малейшего преувеличения названа отважной. Последнее подчеркиваю особо, поскольку мы уже слышим сегодня голоса, с нарочитым нажимом подчеркивающие в общественном поведении покойного черты расчетливости и осторожности; и нам, жившим в ту пору, боязно, как бы непуганные поколения не приняли всего этого за чистую монету. Само собой разумеется, что в советских условиях всякий, кто желал заниматься легальной академической и просветительской деятельностью, должен был соблюдать осторожность и рассчитывать свои шаги; это относилось решительно ко всем нам. Но вот границу между необходимой осторожностью и предосудительной оробелостью совесть разных людей проводила весьма по-разному, и эти различия, из сегодняшнего дня почти неуловимые, тогда решали все. Не называя имен, скажу, что в определенные моменты некоторые уважаемые старшие коллеги, по образу мыслей мне скорее сочувствовавшие, начинали избегать со мной общения. <...> А Дмитрий Сергеевич вел себя совсем иначе, и я должен засвидетельствовать, что были случаи, когда я твердо знал, что единственный представитель академического мира, к которому мне можно обратиться, — это он, больше не к кому. А это наперед опровергает любые попытки тривиализировать его общественное поведение. Если бы делать то, что делал он, было бы и вправду уж так не опасно, не страшно, — почему же этого не делал никто другой среди лиц влиятельных? Если его роль была, как нас хотят уверить, чуть ли не предусмотрена, чуть ли не поручена ему советским официозом, — почему на эту роль не нашлось больше охотников?»³³

Возможно, самым необычным в этой деятельности Лихачева было **стремление помогать своим научным оппонентам**: «Заговорили о Лотмане... Он сказал мне, что статью Юрия Михайловича о “Слове о полку Игореве” не считает правильной, но ему казалось, что надо побольше опубликовать разных точек зрения на “Слово” — тогда мы лучше его поймем»³⁴, — говорит Вяч. Вс. Иванов. Вот и С. С. Аверинцев отмечает, что готовность становиться в трудный час на его сторону, которую Дмитрий Сергеевич неизменно проявлял по отношению к нему с начала 1970-х и до самого конца советских передраг, была делом оказана «не совсем такому лицу, каким обычно помогают в этом грешном мире»³⁵. В частности, Сергей Сергеевич констатирует, что «вокруг каждого человека есть “свой”, это вполне нормально, сколь же нормальна помощь, оказываемая “своим”»³⁶. Научная традиция в Советском Союзе была такова, что научное сообщество жило своего рода «кланами», группировками, где руководители и ученики поддерживали друг друга, следуя определенным неписаным правилам, выполняя определенные, довольно-таки жестко детерминированные роли. Аверинцев же не был для Лихачева «своим» в некотором будничном смысле: членом социума, подчиненным, учеником и, тем более, «послушным учеником»³⁷.

Видимо, **противостояние власти — это искусство возможного**. Лихачев искусно сочетал в подобном противостоянии, с одной стороны, взаимно противоречивые черты прагматика и идеалиста, с другой — человека высокоинтеллектуального и творческого одновременно. И ему удалось буквально пройти по грани бытия и небытия. Не случайно зоркий и внимательный к нюансам жизни Даниил Гранин как-то заметил, что **Дмитрий Сергеевич уцелел потому, что был умен и осторожен**.

³³ Там же. С. 177–178.

³⁴ Там же. С. 174.

³⁵ Там же. С. 178.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

Даже в благодушные для России XX века годы «оттепели» и «застоя» отстаивание своих принципов в противодействии власти не было безопасным. Лихачева трижды проваливали при избрании в академию. За отказом подписать организованное Академией наук письмо против А. Д. Сахарова последовало избивание в парадной своего дома, обернувшееся сломанными ребрами. «Слишком очевидными доказательствами угрозы, подступавшей из кромешной темноты, были в свое время и гибель дочери, и приключившееся тогда же нападение неизвестного на него самого»³⁸, — пишет С. С. Аверинцев.

Подвергая испытаниям Дмитрия Лихачева, судьба проявила удивительную изобретательность. Здесь снова уместно процитировать Д. А. Гранина: «Ему угрожали. Он оставался непреклонным. В сущности — всего лишь порядочным человеком, отнюдь не диссидентом — но, может быть, это было еще опаснее»³⁹. И еще: «В девяностые года звезда Лихачева взошла высоко, он стал одним из самых популярных людей и, соответственно, подвергался тем же страстям и соблазнам, что и остальные деятели. Его искушали особенно энергично. Вербовали себе в сторонники, старались заручиться его поддержкой. Власть хотела использовать его репутацию. Так, например, Черномырдин, создавая движение “Наш дом — Россия”, настойчиво предлагал Лихачеву возглавить избирательный список в депутаты Думы. Он не поддавался. Времени порча не сумела воздействовать на него»⁴⁰.

Как позднее отмечали близкие Д. С. Лихачева, «его временем» стала перестройка: «В одночасье, солнечным летним днем, дед перестал быть опальным — письмо от Горбачевой привез фельдъегерь, примчавшийся на серебристом автомобиле прямо из Москвы. <...> Дед... внутренне просиял — вряд ли его так волновало отношение властей, просто дед сказал кому-то невидимому: “То-то же”»⁴¹.

О взаимоотношениях Лихачева и власти в горбачевскую пору существуют разные, порой — диаметрально противоположные мнения. Например, директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Х. Биллингтон считает, что «фактически, Лихачев был домашним учителем семьи Горбачевых, открывавшим перед ними сокровища той культуры, которая предшествовала эпохе советской власти. Надо отдать должное чете Горбачевых в том, что они ценили Лихачева, а Лихачеву — что он не превратился в очередное “украшение дома” руководителей государства»⁴². Эту же мысль позднее повторил С. О. Шмидт: «С середины 1980-х гг... он понял, что получил возможность просвещать в желанном ему духе не только широкую общественность, но и самых влиятельных людей государства»⁴³.

Д. М. Буланин же утверждает, что «политики превратили красивую сказку об “эпохе” Д. С. Лихачева в жестокий фарс»⁴⁴, что «те — наверху, кто признал его как *persona grata*, сделали его ответственным за все свои злодеяния. <...> те, кто его приблизили к трону, безусловно все понимали, блестяще разыграв эту партию. Присвоить себе авторитет академика, всю жизнь находившегося в оппозиции к власти, — это (отдадим им должное) гениальный тактический ход. <...> его использовали на полную катушку. Используют и по сию пору, апеллируя не к живому, так к мертвому. Не к человеку, так к мифу»⁴⁵. В

³⁸ Там же. С. 177.

³⁹ Там же. С. 387.

⁴⁰ Там же. С. 381.

⁴¹ Там же. С. 35.

⁴² Биллингтон Дж. Х. [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир: информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 3.

⁴³ Шмидт С. О. Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. С. 18.

⁴⁴ Буланин Д. М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 166.

⁴⁵ Там же.

итоге своих рассуждений этот автор заявляет, что власти сделали из Д. С. Лихачева «удобную для себя политическую марионетку»⁴⁶.

Среди критиков Д. С. Лихачева были не только завистники, стремившиеся приписать ему корыстные мотивы. Встречались и отдельные сторонники прежней власти, противники М. С. Горбачева, возлагавшие на академика часть ответственности за распад СССР. Вот уж, действительно, в России ни в чем не виноват может быть лишь тот, кто ничего не делает...

А Лихачев был из тех людей, кто делал много. Если иметь в виду общественную деятельность, то прежде всего он выступал в защиту культуры и природы. Филолог Илья Серман вспоминает: «...как только появилась возможность свободного проявления его личных, человеческих качеств, Дмитрий Сергеевич выпрямился во весь рост»⁴⁷. А Даниил Гранин дополняет: «С тех пор, как ему стало можно выступать, он выступал очень много»⁴⁸. Писатель сравнивает Дмитрия Сергеевича с Сизифом, продолжающим толкать свой камень. Как вспоминает Даниил Александрович, иногда академик говорил ему: «Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, когда Вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились»⁴⁹. Действительно, в силу специфики профессии слово Лихачева и было его делом. Хотя, разумеется, добиться положительного результата удавалось далеко не всегда.

Однако **период перестройки был для Дмитрия Сергеевича порой надежд**: «Тогда дед считал, что справедливость начинает торжествовать, осталось еще немного — публичный суд над коммунистической партией, похороны мумии Ленина — и черная полоса в истории страны закончится»⁵⁰. В 1991 году, когда группа государственных деятелей Советского Союза ввела чрезвычайное положение, академик выступил с резким протестом. 20 августа, во второй день ГКЧП, на Дворцовой площади, выступая перед 400-тысячной аудиторией, Д. С. Лихачев сказал: «Не поддавайтесь на лицемерие так называемых руководителей — руководителей заговора... Кто из захватчиков власти в прежние времена не клялся народу его интересами? Не верьте этому. Потому что интересы народа они могли защищать гораздо раньше. Они отвечали за положение в стране, у них и так была власть»⁵¹.

Безусловно, такое выступление требовало мужества. Тогда никто не знал исхода борьбы за власть. Однако, по всей видимости, Лихачев не мог поступить иначе. **Демократические убеждения были им выстраданы**. Как отмечал Джеймс Х. Биллингтон: «Несмотря на свою любовь к традициям и негодование по поводу расстрела царской семьи, Лихачев решительно отвергал всякую мысль о возвращении страны к монархии и горячо поддерживал демократические реформы»⁵².

Профессор Женевского университета Ж. Нива вспоминал о следующем замечании Дмитрия Сергеевича: «государство не должно быть идеологизированным, но оно и не должно быть слабым (как сегодня). Оно должно медленно, мирно уходить. И все понимали, что уход этот должен сопровождаться ростом красоты, гармонии, культуры, словом, Царства Божиего»⁵³.

В газете «Аргументы и факты», в статье «О прошлом и будущем России» Дмитрий Сергеевич утверждал, что демократия в России имеет глубокие исторические корни. Он

⁴⁶ Там же. С. 167.

⁴⁷ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 92.

⁴⁸ Там же. С. 383.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 38.

⁵¹ [Пресса Ленинграда в дни путча [19–21 авг. 1991 г.] [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://agitclub.ru/gorby/putch/leningrad19.htm>. Загл. с экрана.

⁵² Биллингтон Дж. Х. [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир: информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 3.

⁵³ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 202–203.

полагал, что крепостное право — это вовсе не рабство, а совершенно иная форма отношений. И приводил примеры: князь в Киевском княжестве в X–XI веках довольно-таки демократично обсуждал дела с боярами (в документах боярской думы были и такие записи: «Великий государь говорил, а бояре не приговорили»). Разве это не демократия?). Традиция русских сходов была так же весьма демократичной и сходы были значительно более организованными, нежели российская Дума 1990-х годов с ее драками: «Ничего подобного крестьяне не допускали, они были степенными людьми». Земские соборы так же были формой демократической жизни⁵⁴.

В июне 1994 года он писал: «Демократия без нравственности — абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государственных высокой и очень чуткой нравственности. Административная мораль — вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм. <...> А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми»⁵⁵.

Нередко бывает так, что благими намерениями оказывается вымощена дорога в ад. Вот и события 1990-х годов в России для многих стали трагедией, сопоставимой по масштабу с революцией 1917 года.

Далеко не все государственные деятели и «прорабы перестройки», инициаторы тех реформ оставили о себе добрую память в народе. А Д. С. Лихачева вспоминают с уважением. Благородство его помыслов и действий было несомненно. Кроме того, сам Дмитрий Сергеевич был удивительным примером уважительного отношения к тем, кто мыслил иначе. Он никогда не стремился нанести какой-либо личный ущерб своим оппонентам. Характерно в этом плане следующее замечание З. Курбатовой: «Деда от нынешней все возрастающей армии неофитов отличала большая терпимость к атеистам и людям другой веры, он считал, что в церковь можно зайти и неверующему, чтобы постоять просто так, не молясь. Никогда в жизни он не сделал бы кому-либо замечания по поводу церковных обрядов»⁵⁶. И уж тем более академик никогда не стремился уничтожить или даже унижить инакомыслящих. Дж. Биллингтон вспоминал, что Д. С. Лихачев говорил с ним на «универсальном языке культуры»⁵⁷. Впрочем, это мог бы сказать о Дмитрие Сергеевиче каждый его собеседник.

Воспоминания Джеймса Х. Биллингтона, одного из крупнейших зарубежных специалистов по российской истории и культуре, особо интересны потому, что сочетают в себе доброжелательную непредубежденность, высокую собственную культуру, независимость и преимущество «взгляда со стороны». В частности, Биллингтон писал, что Д. С. Лихачев «воплощает в себе лучшие черты российской культуры 20-го столетия», что эрудиция, великодушие и плюрализм являлись внутренне присущими ему качествами⁵⁸: «В каком-то смысле он был последним великим представителем высокой культуры старого Петербурга. Но в то же время россияне все больше и больше видели в нем новое воплощение вечного исторического явления — голоса совести, говорящего правду властям. <...> В свойственной ему мягкой, но решительной манере, он защищал цельность и одновременно разнообразие российской культуры, неустанно подчеркивая ее способность стать преображающей силой в обществе, глубоко пораженном тоталитаризмом»⁵⁹.

---

⁵⁴ Аргументы и факты. 1995. 12 окт.

⁵⁵ Не бывает демократии без нравственности / беседа с Д. С. Лихачевым вел А. Романенко // Российская газета. 1994. 11 июня.

⁵⁶ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 37.

⁵⁷ Биллингтон Дж. Х. [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир: информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 1.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 3.

Существенно, что **Дмитрий Сергеевич не воспринимался российским обществом как политик. Он никогда не стремился к власти. Влияние Лихачева, по сути, было влиянием именно культурным.** Не случайно Д. А. Гранин заметил: «Его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями»⁶⁰. Ученый стремился быть на стороне добра. И это было очевидно всем окружающим. Тонко ощущающий реальность, Даниил Александрович сказал об этом так: «Лихачев был бойцом-одиночкой. Борьбу со злом всегда начинал один, не ожидая подкрепления. В его распоряжении не было ни партии, ни движения. Не было и влиятельной должности, вертушек. В его распоряжении была лишь моральная репутация, авторитет. Правда»⁶¹.

В годы перестройки общественное сознание поставило в один ряд имена двух ученых: Лихачева и Сахарова. Оба выступали в защиту перемен, оба воспринимались как носители классической русской культуры. Дмитрий Сергеевич был одним из немногих, кто не подписал письмо советских ученых с осуждением Сахарова. Различия в деятельности этих двух знаменитых академиков найти не трудно. Однако в контексте данной темы их общее важнее.

Судьба предоставила академику Лихачеву скорбную возможность высказать, что его больше всего привлекало в А. Д. Сахарове. Это произошло в Лужниках на митинге, посвященном кончине Андрея Дмитриевича: «Один праведник может оправдать существование целого народа — вот так, слегка перефразируя библейское изречение, я хотел бы сказать об Андрее Дмитриевиче Сахарове. <...> Он один говорил от лица всех нас. Он спас и сохранил нашу честь и достоинство, подав голос в защиту людей, преследуемых властями, для которых инакомыслие было тягчайшим государственным преступлением. <...> Не знаю, что стало бы с нашим обществом, куда бы оно сегодня зашло, если бы не то незаметное влияние, которое оказывал тихий глуховатый голос Андрея Дмитриевича на страну. <...> В сущности, Сахаров никогда не стремился поразить оригинальностью взглядов, высказать что-то такое, чего не смог бы сказать никто другой. Он всегда говорил и писал о простых человеческих истинах, которые в свободной, демократической стране воспринимаются как нечто совершенно естественное, обыденное. Но в государстве, где обыкновенному человеку запрещено говорить обыкновенные вещи, они, высказанные вслух, становились откровением. Не исключительность, а обыденность тех истин, которые отстаивал Андрей Дмитриевич Сахаров как политик, потрясала людей. Потому что, когда в изолгавшемся обществе один человек говорит правду, каждое сказанное им слово обретает особый смысл. <...> Он был предельно искренен и естественен во всех своих поступках, в любой ситуации оставаясь самим собой. Отсюда необычайная сила его воздействия на людей. Отсюда — громадность его личности, оказавшейся сильнее всех “обстоятельств времени”. <...> Все в его жизни было удивительно закономерно, а сам он явился выразителем оставшейся честной части России»⁶². Эти слова удивительно применимы к самому Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

---

⁶⁰ Гранин Д. А. Наша печаль, наша любовь // Там же. С. 4.

⁶¹ Там же.

⁶² Лихачев Д. С. Он спасал нашу честь. Слово об А. Д. Сахарове: [произнесено в Лужниках на митинге, посвященном кончине А. Д. Сахарова] // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 641–643.